

Михаил Баженов

АЛЯСКА

*Очередной загул окончен прозаично –
никто не умер и, надеюсь, не зачат...*

(Стихи неизвестного автора, т. е. меня)

– Ты полетишь со мною в Анкоридж, милый? – спрашивает Анка своим хриплым голосом, едва выговаривая слова. Мы стоим, обнявшись, в зале вылета аэропорта города Сиэтла. Анку в пятнадцатый раз вызывают на рейс.

– Есесьтьвенно, хани¹, – убедительно отвечаю я, едва выговаривая слова. Меня чрезвычайно будоражат женщины с хриплыми голосами.

Самолёт набирает высоту. За бортом остаются огоньки Сиэтла, обе моих работы, босс Рэнди, коллеги по секьюрити², огромное пятно красного вина на белом ковре в спальне у Джона... Никто ещё ничего не знает.

Анка толкает меня в бок. Ей хочется скрюдрайвера.³

– Не вы ли та странная пара, которую не хотели пускать в самолёт по причине опьянения? – строго спрашивает вызванная стюардесса.

Я ничего подобного не припоминаю, поэтому честно отвечаю: – Nope!⁴

Одной рукой я обнимаю Анку в норковой шубе, другой – гитару. На мне тельняшка без рукавов и очки с поломанной оправой. Мне странно, что кто-то мог назвать нас странными.

Нам приносят скрюдрайвер и пиво. Полёт проходит нормально.

Замедленное утро в заснеженном Анкоридже. – Какая ж, блин, однако, красота! – сквозь икоту восторгаюсь я, скользя по тротуару в тельняшке без рукавов, то и дело теряя очки и толком не замечая ни снега, ни собственно Анкориджа.

Мы замёрзли и поэтому сильно торопимся в бар к Дарвину. Дарвин – Анкин спонсор. Бар так и называется – “Теория Дарвина”.

За стойкой – Синди. Она азиатка с Гавайских островов. У неё хриплый голос и дикорастущие длинные волосы. Меня будоражат женщины с хриплыми голосами. Меня будоражат женщины с волосами, как у Синди. Меня вообще будоражат женщины.

---

¹ ~ милая

² американский ВОХР

³ водка энд апельсиновый сок – американцы называют это «отвёрткой»

⁴ Никак нет!

Синди радостно глядит на Анку и недоуменно – на меня. – Это – мой друг, – объясняет Анка. – Я вчера поломал свои очки, вылетая из Сиэтла, – объясняю я.

Синди успокаивается. Она всё понимает.

Синди наливает мне большую рюмку водки и просит Анку подрезать ей волосы. Они удаляются за ширму в пустом конце бара. Оттуда доносится скрежет ножниц, затем демонический хохот. Вместе с волосами Анка отстригла Синди лямки на платье.

Рядом со мной у стойки бара сидит маленький человек с глазами грустного и мудрого дворника. Это – Яро. Он же – Слава, полностью – Ярослав. Он – талантливый еврей и фотохудожник из Магадана. Его регулярно депортируют из всех стран мира, где он появляется. Из Америки его уже депортировали. Сейчас он снова здесь, и женится на старой американской бабище, чтобы подзадержаться.

– Я вчера сломал свои очки, – представляюсь я.

– Если ты сломал очки – режь свой член на пятачки, – представляется он. Он – поэт.

Я звоню Джону в Сиэтл. Джон – хозяин дома, где я снимаю комнату. Мне надо хоть кому-то хоть что-то объяснить. Мне хочется почувствовать себя ответственной личностью.

– Майкл, – строго говорит Джон то, что я знаю и сам, – Тебя все ищут. Ты бросил всё и всех. Ты – безответственная личность. Когда я забирал твою машину из аэропорта, я даже не смог её завести! В ней не было ни капли бензина!

Этого я не знал. – Сорри, Джон, – устало говорю я. – Ай эм вери сорри!

– Сорри тут не отделаешься, Майкл! – взрывается Джон. – С меня хватит! Я больше не хочу, чтобы ты жил в моем доме. Ты опять ломаешь жизнь, и не только себе. Мне звонит Рэнди – у него рушится бизнес. Мне звонят твои коллеги из секьюрити. В багажнике твоей машины чужие чемоданы!...

– С чего ты взял, будто они чужие? – с вызовом спрашиваю я.

– Они набиты женским бельём, – веско поясняет Джон. – Ты...

Я тихонько кладу трубку. Мне и так больно, Джон. Я всё знаю сам. А ты ещё, верно, не видел свой белый ковёр...

Вечером мы у Расса. У Расса выцветшие глаза и свой бизнес. Он – Анкин деловой американский партнёр. У Расса весёлый сын по имени Расс. У того не выцветшие глаза и нет своего бизнеса. Он – раздолбай. По этому поводу мы надираемся и орём русские песни. Яро тихонько подпевает.

С целью достойного завершения вечера, я напоследок растаптываю в щепки свою гитару и гордо выбрасываю из окна машины подаренные куртку и зубную щётку.

Утром мы едем провожать Анку в Магадан. Её самолёт должен был улететь полчаса назад. Машину мастерски ведёт Коля. Это он подослал ко мне в Сиэтл Анку. У него аккуратная борода и чересчур внимательные глаза. Он похож на опытного советского резидента. Анка орёт на Колю.

– Дарлинг⁵, самолёт никуда не улетит, – убеждённо говорю я, – Он просто не сможет улететь без тебя.

– Здесь в Анкоридже все рядом, – уверенно говорит Коля. Мы едем уже полтора часа.

Громко звучат почему-то до сих пор незнакомые мне песни Шуфутинского. Я – в полном восторге:

*Эх, Сёма, вы были член месткома.
А щас вы кто? Вы бедный фабрикант!*

Мы задорно подпеваем. Мне жаль, что я вчера опять разбил свою гитару. Я знаю теперь, почему я их всё время разбиваю. Просто они не хотят играть так, как этого хочу я.

*...Никто на свете не поставит нам заслончик!
И пусть шмонают опера –
Мы пьём с утра и до утра,
Вагончик жизни покатился под уклончик...*

Коля бросает руль и танцует руками по-грузински. Его внимательные глаза при этом становятся безудержно цыганскими. Машина едет как ей хочется.

– Не гони, Коля, – прошу я. – Самолёт всё равно никуда не улетит.

Самолёт никуда не улетел. Рейс отложили до вечера. Анка идёт мне навстречу растрёпанная, в длинной шубе: – Я не улетела, потому что ты этого не хотел, хани! – радостно говорит она.

По этому поводу мы все едем ликовать к Вовчику. Вовчик – брат Коли, и глаза у него хитрые и весёлые. Вовчик маленький, как 12-летний пацан, но его безумно любят все женщины. Все женщины его любят. Его любят женщины все. Я очень хочу быть таким, как Вовчик.

Вовчик только что отсидел за то, что помог незнакомому парню убежать от полиции. Тот по ошибке впрыгнул в его машину на перекрёстке, и Вовчик рванул колесить по всему Анкориджу. Он высадил парня в каком-то закоулке, а сам ещё долго отвлекал на себя превосходящие полицейские силы. Суд так и не поверил, что Вовчик сделал это забавы ради.

За неимением гитары мы орём песни, лёжа на полу лицами вниз. У меня дивный голос. Он способен выразить все оттенки всех чувств всех присутствующих. Жаль, что мне никто никогда этого не говорил. Яро тихонько подпевает.

*Лучше б ты своим смехом меня не дразнила,
Лучше б мне лошадей не стегать...*

---

⁵ дорогая

– пою я голосом Жанны Бичевской и вдруг соображаю, что комната пуста. Они уехали провожать Анку. Над моей головой записка: “Мишка, спи спокойно, тебя охраняют. Коля.”

Я как сумасшедший бросаюсь вниз по лестнице. Падающий снег уже занёс следы от Колиной машины.

Я как сумасшедший листаю “жёлтые страницы” телефонного справочника. Вот она: “Аляска Эйрлайнз”! – Будьте добры, пригласите к телефону Анну, – как можно вежливее прошу я.

– Ана? – ещё вежливее переспрашивают меня, – Ху из Ана? – И тут я срываюсь.

Наоравшись всласть про тупых американцев, я вдруг соображаю, что “Аляска Эйрлайнз” тут совсем ни при чём. Тем более их 1–800 оператор. Откуда им знать, ху из Ана? Тем более что Анка летит в Магадан “Аэрофлотом”.

В “Аэрофлоте”, как всегда, как и во всем мире, никто не отвечает. Я устало падаю на пол лицом вниз.

Анка наконец-то улетела. Мы снова целую ночь напролёт пьём и вспоминаем друзей. У каждого из нас есть друзья. Мы всех их вспоминаем. Раздаётся телефонный звонок.

– Лёва! – радостно вопит в трубку Вовчик. – А мы тебя только что помянули!

На другом конце провода – ошеломлённое молчание. – Разве я уже... умер? – заикаясь, недоверчиво интересуется Лёва из далёкой заснеженной России. Мы хохочем. Это служит поводом.

Звонит телефон. Это Джон. Он по-американски непреклонен: – Майкл, тебя здесь все ждут. Все волнуются о тебе. Немедленно бери билет и вылетай в Сиэтл!

– Я не могу, Джон, – шепчу я, пытаюсь ладонью отгородить трубку от пьяных голосов. – I’m really busy...⁶

– Позвони хотя-бы Рэнди, – говорит Джон устало.

На переводческое агентство Рэнди я работаю. Ещё я работаю офицером секьюрити по охране небоскрёбов Сиэтла. Судя по всему, всё это уже в прошедшем времени.

Рэнди я звонить не хочу. Я знаю всё, что он мне скажет. Я даже знаю, **как** он мне это скажет. Но я хочу знать одну очень важную вещь, и поэтому звоню.

Рэнди говорит мне, что это конец его бизнеса. Он говорит, что врачи и пациенты звонят и сходят с ума, тщетно дожидаясь переводчика, а он не может предотвратить этой бесконечной лавины. Все расписания на текущий месяц – в моей записной книжке, которая осталась где-то в Сиэтле.

Я закрываю глаза и молчу. Мы разговариваем лёжа. Я лежу на полу, поэтому и Рэнди представляется мне лежащим. – Я никогда не понимал и не пойму этих fucking Russians! – орёт лежащий Рэнди. Я открываю глаза.

– Рэнди, позволь мне задать один личный вопрос, – тихо перебиваю его я.

– Конечно, – охотно соглашается Рэнди.

---

⁶ Я очень сильно занят.

– Скажи мне правду: у Ирины⁷ по-прежнему такие же красивые длинные ноги?

– Нет! – мстительно заявляет Рэнди. – Я их обрезал ровно наполовину!

Я кладу трубку и принимаюсь безудержно плакать. Мне жалко Иришкиных красивых длинных ног, мне жалко оставшихся без переводчика пациентов, мне жалко бизнес Рэнди. Мне не жалко себя. Но мне грустно от того, что если я сейчас умру, по мне наверняка никто не заплачет. Все будут только смеяться. Поэтому я и плачу. Это служит поводом.

Яро утешает меня и рассказывает, что женится на старой страшной бабе, чтобы его больше никуда не депортировали. Её зовут Мэри, но по сути она – просто Манька. Манька даёт Яро свою машину и почти не пристаёт по ночам. Она – хорошая тётка, но Яро обижает то, что когда он не успевает забрать её после работы, она идёт напрямиком в бар и нажирается как свинья.

– Если я когда-нибудь получу грин-карту, – мечтательно говорит Яро, – Я ни хрена не буду называть её грин-картой. Я буду называть её голд-картой...

Звонит Коля. Другой Коля, из Сиэтла, с грустными глазами Николая-чудотворца. О чём мы с ним разговариваем – я не помню. Помню лишь, что я долго-долго за что-то извиняюсь. Но лететь в Сиэтл я сейчас не могу.

Звонит Оксана. А звонила ли Оксана? Если я когда-нибудь ещё вернусь в Сиэтл, это надо будет уточнить.

Звонит Анка из Магадана. – Ты почему ещё в Анкоридже?! Мне что, лететь обратно, чтобы отвезти тебя в Сиэтл?

– Да, ханечка, – покорно соглашаюсь я. – Я тебя жду и целую в уголок рта.

– А я поцелую тебя в уголок жопы! – вопит разгневанная Анка. Все почему-то хохочут. Это опять служит поводом.

Среди ночи я бужу Вовчика. Я хочу ехать в аэропорт, но вместо этого мы летим в бар. – Не гони, Вовчик, – прошу я. Лукавый Вовчик выворачивает руль наизнанку, и мы едем по фривэю⁸ в неправильном направлении. Навстречу несутся ряды разделительных лампочек, превратившихся вдруг из жёлтых в красные. Мы отслеживаем эту необыкновенную красоту замороженными взглядами.

В баре я по очереди опрашиваю всех присутствующих, знают ли они, кто спасёт мир. Этого не знает никто. Тогда я сообщаю им, что мир спасёт Вовчик. Со мной соглашаются почти все. Особенно женщины. Вовчик, возможно, и сам не знает, что ему предстоит сделать, но глаза у него очень хитрые и весёлые.

Следующим вечером мы едем покупать мне обратный билет. Предыдущий я утерял.

– Не гони, Коля, – прошу я. – По снегу ведь едем.

– *По снегу, летящему с неба...* – лирично подтверждает Шуфутинский. Мы задорно подпеваем.

---

⁷ не та Ирина, о которой вы подумали

⁸ американская дорога без светофоров и перекрёстков

– Здесь в Анкоридже всё рядом, – убеждённо говорит Коля. Мы едем уже полтора часа.

Ночью, когда опять неожиданно заканчивается водка, Коля под этим предлогом внезапно решает уехать в Сиэтл на машине. Мы по-очереди пытаемся его отговорить, но он решил. У всех в глазах слёзы, за окном валит снег, до Сиэтла больше двух тысяч километров, Коля едва держится на ногах.

– Так надо. Я вернусь, – с убедительной грустью говорит он и уезжает в ночь. Это служит поводом. Водки нет, но остался ром.

Утром мы опять едем в аэропорт. К полёту меня не допускают, мотивируя алкогольным опьянением. Вероятнее всего, это месть “Аляски Эйрлайнз” за мои телефонные выходы. К счастью, ничего этого я уже не помню. Мне об этом рассказывают вечером. Это, естественно, служит поводом.

Воскресенье мы решаем провести достойно. Вовчику позвонил босс и сказал, что если Вовчик сегодня вечером опять не выйдет на работу, то его с неё уволят (или с неё его уволят?..)

Поэтому мы решаем провести воскресенье достойно. Для этого нам просто необходимо вдохновляющее женское общество.

Стоя на снегу в босоножках, нас ждёт Дэниэла. Она из Пуэрто-Рико. У неё длинные чёрные волосы, оливковая шершавая кожа и глаза до самого дна. Она – помесь лани с пантерой. Из её походки струится мускус.

Дэниэла танцует в стриптиз-баре. Она любит Вовчика. Я хочу немедленно ехать в этот стриптиз-бар. Но мы едем к нам домой.

Дома она учит нас разговаривать по-испански.

– Pira, – играючи говорит она, едва касаясь длинными пальцами проступающей сквозь мягкую юбку линии своего лобка.

– Paloma, – многозначительно прибавляет она, указывая на набухший изгиб моих штанов. Мы пьем водку и послушно повторяем. Из меня тоже вот-вот заструится мускус.

Она голодна. Она хочет в Тасо-Bell⁹. В холодильнике полно всякой русской еды, но она хочет в Тасо-Bell.

– Тако-Бэль! – повторяет она мелодично. – Отвезите меня в Тако-Бэль!

Я везу её в Тако-Бэль. Я не в состоянии правильно застегнуть куртку, но я везу её в Тако-Бэль. Я еду очень старательно. Мне было бы обидно убить её. Тем более на незастрахованной машине Яро, принадлежащей Маньке.

Дэниел хохочет оттого, что я не останавливаюсь на стоп-сигналах, но ведь Яро надо через час забирать с работы Маньку, иначе она опять пойдёт в бар и нажрётся как свинья.

– Ты не умеешь поворачивать на светофорах, – говорит она и, наклонившись ко мне, показывает, как это нужно делать. Я обнимаю её дымящиеся волосы. – No aquí, – говорит она. – Не здесь.

---

⁹ мексиканский вариант МакДональдса

В Taco-Bell она ест бурритос¹⁰ и смотрит на меня глазами до самого дна. Я не думал, что во мне ещё столько мускуса.

Ей надо завести домой её церковные цветы. У неё сегодня праздник. У неё своя особая пуэрториканская церковь.

Мы едем по снегу. Зад машины произвольно носит между светофорами. Я кладу руку ей на колени. – No aquí, – говорит она. – Не здесь.

Она бежит домой по снегу в босоножках. Мускусная коза. Я стою на дороге и ем снег, чтобы протрезветь. Мне обидно за свои поломанные очки. Она может подумать, что я никогда не был приличным человеком.

Мы едем забирать её дядю в даунтауне. Меня нисколько не удивляет, что её дядя чёрный как моя жизнь. Мы бурно приветствуем друг друга. – Анкл! – представляется он. – Анкл Майкл! – представляюсь я. На повороте я целую Дэниел в уголок рта. Дядя сзади неодобрительно говорит что-то по-испански. По-моему, тоже по aquí.

Там, где мы высаживаем первого анкла, по невероятно удачному совпадению почему-то оказывается второй. Он не такой чёрный, как первый, но у него не хватает передних зубов.

– Ты потерял свои зубы, – укоряет его Дэниел.

– Однако ещё не все, – заступаюсь за него я.

– Это офицер секьюрити из Сиэтла, – представляет меня Дэниел. Дядя едва не покидает машину на полном ходу.

Третий и четвёртый анклы не оставили следа в моей памяти. Когда мы наконец остаёмся вдвоём, я опять кладу руку.

– Извини, дорогой, – до дна глядя мне в глаза, – говорит Дэниел. – Я не могу тебя обманывать. Я продаю марихуану.

– Не дурак, сам понял, – говорю я и тихо смеюсь, представив, как нас останавливает полиция: меня, пропитанного водкой, и её – марихуаной. – Мы всё равно поженимся, – говорю я.

– No aquí, – тихо говорит она.

Старательно тормозя, я подъезжаю к дому Вовчика. На одометре светятся цифры 1101. “0” зияет как утраченный зуб пуэрториканского анкла.

С пола мне навстречу поднимается Яро с морщинистым и укоризненным лицом. – Мы так волновались, Мишка. Ты же не знаешь, как ездить по снегу! Я должен был забрать Маньку с работы 5 часов назад. А час назад твой самолёт опять улетел в Сиэтл.

– Извини, Яро, – грустно смотрю я в его грустные глаза. – I’m in love.

Вовчику ровно в 10 вечера необходимо выйти на работу. Иначе он её потеряет. Сегодня ночью ему предстоит развешивать рождественские стенды по всему Safeway.¹¹

Поэтому мы оставляем его отсыпаться и едем к Яро.

За столом восседает Манька – огромная тётка со всё ещё различимыми следами красоты на волевом лице. У неё – обрётшие нечто недостижимое для

---

¹⁰ какая-то мексиканская жратва

¹¹ большой американский «Гастроном»

других насмешливые глаза женщины-алкоголика. Яро рядом с ней кажется зародышем.

– Где ты был, хани? – медленно интересуется Манька хриплым голосом. Она – первая на свете женщина с хриплым голосом, которая меня не будоражит.

Мы усаживаемся за стол, и по странной просьбе Яро, я зачем-то вру, что полтора года жил в Израиле.

Манька понимающе кивает. Она – помесь польки с ирландцем, но Израиль её живо интересуется. Мы ведём разговор о кибуцах. Я не еврей, но мне нравятся кибуцы. В них есть что-то по-настоящему трогательное. Манька понимающе кивает.

Яро показывает мне удивительно красивый фильм об удивительно красивой свадьбе его удивительно красивого сына в Нью-Йорке. Свадьба помпезна. Там поёт удивительно красивый рабби с удивительно красивым голосом. Я не еврей, но я слушал бы это пение вечно. Там все во фраках и ожерельях. На несколько секунд на экране возникает Яро тоже во фраке, который, однако, сидит на нём как на маленьком печальном дворнике. Он делает несколько торжественных шагов и вдруг прячется за какую-то величественно проплывающую спину. Озорной такой.

Манька готовит в духовке чью-то ногу. Она ставит старую пластинку с извилинами и удивительно красивой гитарной музыкой. Но теперь я подчёркнуто равнодушен к гитарам.

Яро показывает мне фотографии своих бывших жён. Все они удивительно красивы. Красивые женщины любят талантливых мужчин. К сожалению, они не могут оставаться с ними долго. С талантливыми мужчинами сложно.

– Все беды на Земле – от маленьких людей, – с грустью говорит Яро. – Наполеон, Сталин, Гитлер, я ...

Он внезапно принимается танцевать, выделявая невероятно смешные кренделя. Манька не выдерживает и бросается плясать в обнимку с ним. Она пляшет с ним как со своим зародышем. Я боюсь за Яро, но хохочу и аплодирую. Манька вдохновенно садится на шпагат. От потрясения я затихаю.

Из духовки вкусно запахло чьей-то ногой. Я вскакиваю: – Яро, нам же надо везти Вовчика на работу!

– Я помню, – уверенно говорит Яро. – Mania, we go.

– Куда? – удивляется запыхавшаяся Манька. В её титанических ляжках всё ещё трепещет вдохновение.

– Вовчику нужно на работу. Иначе его с неё выгонят, – объясняю я.

– Я люблю Вовчика, – серьёзно говорит Манька. – Он – мой сын.

Мы опять несёмся в ночь. Мне начинает казаться, что весь Анкоридж состоит из ночи и снега.¹²

– Не гони, Яро, – прошу я. – У нас есть время.

– Я ни одной аварии не сделал в пьяном виде, – убедительно говорит Яро сонным голосом. – Все – только в трезвом.

---

¹² Как выяснилось впоследствии, зимой так оно и есть. Световой день на Аляске в ноябре составляет около 4-х часов.

Машина несётся впритирку к бетонной стене.

Мне становится стыдно за своё недоверие. Я знаю, что у него всё равно нет водительских прав.

Вовчик – никакой. Пока нас не было, он допил всю водку, и глаза у него хитрые-хитрые. Значительно хитрее чем прежде.

Мы в растерянности. Мы хватаем Вовчика и засовываем его в машину. Ехать чёрт-те куда, хотя в Анкоридже всё рядом. Вовчик постоянно пытается выйти из машины. Он не хочет на работу.

Мы подъезжаем к Safewayаю минута в минуту. Стоя у огромных ящиков, Вовчика уже ждёт его американский напарник. Увидев Вовчика, напарник покрывается красными пятнами. Его можно понять. Стенды стоят по 500 баксов каждый.

Мы остро ощущаем, что Вовчика всё же выгонят с работы. Поэтому, не мешкая, сами принимаемся таскать стенды в Safeway. Красные пятна на лице напарника принимаются флуоресцировать. Откровенно говоря, мы с Яро и сами едва держимся на ногах.

– Ребята, – умоляюще говорит он, – Если вы разобьёте хоть один стенд, его надо будет снова везти пароходом из Портленда.

– Не рви жопу, начальник, – успокаивает его по-русски Яро. – Талантливый человек – во всем профессионал. А мы – талантливые люди.

Продавцы Safewayа сначала наблюдают за нашей компанией с недоумением. Потом все вдруг начинают заговорщически улыбаться, особенно женщины. Они разглядели весёлые глаза Вовчика.

Весь зал раздражается диким хохотом, когда вместе с Яро стенд в зал Safewayа вносит один из покупателей – какой-то подросток в очках. Дружеская атмосфера в Safewayе начинает напоминать неформальную вечеринку.

– Вот и малолетку припахали, – неодобрительно ворчит напарник. Красные пятна с него исчезли.

Все стенды внесены и расставлены по местам. Мы с Яро горделивыми взглядами окидываем поле деятельности. Нигде ни одной царапинки. Вовчик активно втянулся в работу, и теперь сама мысль о том, что кто-то может его с неё выгнать, кажется нелепой. Нам с Яро здесь больше нечего делать. А бедный Вовчик пусть вешает стенды до утра вместе с напарником. Тому нужно набирать часы. Вовчику тоже. Все деньги пропиты.

Мы подъезжаем к апартаментам Вовчика. Я опять сую руку в карман, чтобы в очередной раз убедиться в том, что ключей от дома у меня нет.

– Не горюй, – говорит Яро и достаёт откуда-то гигантскую монтировку. – Слесарем я тоже был. Открываю любые замки.

С этими словами он сворачивает ручку замка к чёртовой матери. Теперь в этот дом никто больше не войдёт. И в первую очередь вернувшийся рано утром с работы протрезвевший Вовчик. Мы почему-то долго и заразительно хохочем на весь околотовок.

Я ночью на кухне у Яро. Я не могу заснуть, хотя я смертельно устал. Меня всего выкручивает и слышатся нездешние звуки. Мне всё время мерещится в комнате присутствие Маньки. Мне кажется, что она в темноте непрерывно пьёт

воду из-под крана. Мне кажется, что она сейчас примется меня насиловать. Мне всё равно. У неё ничего не получится.

Сердце то и дело пытается остановиться. Мне не хочется жить. Мне жалко всех: Рэнди, пациентов, коллег из секьюрити... Себя мне не жалко. Мне жалко, что я умру в тот момент, когда меня никто не любит, кроме Маньки.

Снежным утром Яро везёт меня к Рассу. Я неожиданно получаю назад свою выброшенную куртку с дарёной зубной щёткой. Хотя что-то в этой жизни, оказывается, можно вернуть. Кроме куртки и щётки мне необходимо 35 долларов США. Я должен заплатить штраф "Аляске Эйрлайнз" за утерянный билет. Иначе я не улечу в Сиэтл и сегодня.

При слове 35 долларов глаза Расса делаются глубокомысленными и ещё более выцветшими. 35 долларов наличными у него нет. Зато у него есть свой бизнес. Мы подчёркнуто тепло прощаемся. Он фамильярно хлопает меня по плечам и называет «Мищья».

– Если нет в кармане кэш¹³ – доставай свой член и ешь, – философски замечает Яро, когда мы оказываемся на улице. Он – философ.

Внезапно у него возникает гениальная идея: мы должны продать его уникальную фотопанораму Анкориджа. За 35 долларов США.

– Где? – скептически спрашиваю я.

В даунтауне. Там много офисов. В офисах много бизнесменов. У бизнесменов много денег. Все очень просто.

– В США это называется солиситинг,¹⁴ Яро, – грустно объясняю я. – Нас арестуют мои коллеги из Аляскинской секьюрити. Тебя снова депортируют, Яро, и Манька опять останется одна.

Яро смотрит на меня мудрыми и неожиданно весёлыми глазами: – Ты хоть раз в жизни это пробовал? – спрашивает он.

– Нет, – говорю я, и мои глаза неожиданно становятся тоже мудрыми и весёлыми.

Мы паркуемся у "Теории Дарвина". Яро задом машины отодвигает большой мусорный бак. – Опять моё место заняли, – поясняет он.

Аляскинские бизнесмены поочерёдно переводят внимательные взгляды с моих поломанных очков на дворницкую фуфайку небритого Яро, потом на уникальную фотопанораму, и обратно.

– Позвольте вам представить моего друга, известного фотохудожника из города Магадана, – стараясь не дышать в сторону бизнесменов, с достоинством говорю я. – Эта уникальная фотопанорама стоит всего 35 долларов США.

Бизнесмены один за другим быстро теряют интерес и огорчённо извиняются. У них нет 35 долларов США. Зато у них есть бизнес.

Из одного офисного здания в другое мы перемещаемся стремительными перебежками. Пока не прибыли мои коллеги из секьюрити, и Манька снова не осталась одна.

---

¹³ нал

¹⁴ попрошайничество, вымогательство

Одно здание мы покидаем особенно проворно. Там располагается офис IRS.¹⁵

– Чуть сами себя не прописали! – комментирует Яро с лёгкой одышкой.

Внезапно в одном из самых задрипанных офисов нам ни с того ни с сего радуются так, словно мы – Санта-Клаусы с мешком бесплатных гамбургеров. Запоздало сбегаются бизнесмены со всего билдинга, хотя фотопанорама только одна. Она уникальна. Счастливец не в силах оторвать от неё восторженных глаз. Остальные завистливо расходятся с обездоленным видом.

– Продешевили, – говорит Яро, всучивая мне на улице 35 баксов. Значит сегодня я всё-таки улечу в Сиэтл. На что он будет заправлять свою машину – я не знаю. Ему после аэропорта забирать с работы Маньку. Иначе она опять пойдёт в бар и нажрётся как свинья.

В самолёте я старательно пытаюсь ни на кого не дышать. Рядом со мной сидится симпатичная азиатка. Я смертельно хочу спать, но знаю, что рядом с ней я не усну. Азиатки меня будоражат. Когда наконец выключают свет, она нежно кладёт руку на моё колено. “И почему азиатки меня так любят?” – с грустной нежностью думаю я и делаю то же самое.

Выясняется, что это недоразумение. Она меня не любит.

Меня больше не любит никто. Впереди Сиэтл, где меня ждут Рэнди, пациенты, Джон, винное пятно на ковре, Оксана, Коля, коллеги по секьюрити... Они меня больше не любят.

Я тихонько извлекаю книжку “Анонимные Алкоголики”, принадлежащую Вовчику, но подаренную мне Анкой. Я знаю теперь, кем я буду.

На титульном листе – дарственная надпись:

*"На добрую и вечную память Мишке.
Не пей больше, не е..и меньше.
Миша, я твоя, целую в рот, навеки твоя, Нюрка!
(В связи с задержкой рейса и преждевременной менструацией)
ВСЁ БУДЕТ ЕЩЁ ЛУЧШЕ!"*

Меня сильнее и сильнее трясёт от глупого хохота. Азиатка снова вздрагивает и с испугом смотрит на меня. Теперь не заснёт и она. А я достаю ручку и начинаю писать эту книгу про любовь. ■

Борт самолёта Анкоридж-Сиэтл, рейс 196
24 ноября, 1997 года

---

¹⁵ Налоговое Управление США